

Е. ГАБРИЛОВИЧ

ПЕРИФЕРИЯ

ны сходят с поезда, пересекаете широкою, залитую весенним водами площадь, вступиваетесь в крохотный трамвайный вагон, — и вот вы в Орле. Трамвай, скрипя, кидает вас по широкой улице, мимо домов, палисадников, подработорных будок, надъезжая к змунгоющим в них гудящим классикам Гавриловитера и Главингарфеноса.

Колесная станция. Трамвай пустует. Вы на холме. Город расстилается перед вами в серой дымчатой дымке. Золотые трубы, мосты, Ока, покрытая рябиной и яркими весенним цветом, вереница развалин на берегу — просторные, пыльные русские сани.

Холм в садах. Крутые береговые обрывы. Реуника по имени Орлик. Здесь, на этих берегах, под сенью этих садов вывесит «домик Калининских», описанный в романе «Дворянское гнездо» Иваном Сергеевичем Тургеневым.

В Орле свято чтут память Тургенева. Сиротке орлонца, чьем славлен город, вы отвечает: здесь родился Тургенев. На какой тихой орловской улице, в мировом провинциальном особняке размещен Тургеневский музей.

В этом музее чужестранце интереснейших экспонатов. Тщательно воссоздана обстановка дома в Часковом — Лутовинове: здесь подолгу жил Тургенев, здесь писал он «Рудина» и подписывал «Дворянское гнездо». Вот гостиница: резные столы и стулья, огромные в форме башиш часы с английской надписью «Stichen». Диван «самоиспан», шпиротенный, прамучюльней, о котором Тургенев писал Фобору: «Есть, например, оченный диван, на котором непременно заснешь, если сидеть. Его я старуюсь набегать». Кабинет-спальня: кожаные потертанные кресла, узкий абажур, закапанный чернилами авторский стол с позвончиком, с письмами под стеклом. Шатеный стул у стола, деревянные шпильки с парисованными на них яблочками и грушами. За шпильками — кроватка, покрытая старым, выцветшим вышитым одеялом. Подойти столки. Ища в углу — строгое, темное, суровое письмо. Это о ней писал Тур-

генев тому же Фобору: «В углу мыслити ищет старинная пиджачицкая юбка, совсем черная, в серебряной оправе. Она немного таетити милая. Ялташ, пороховница, охотничья фляжка Тургенева. В следующем камнате значительные беговые дрожки, прославленные писателем во многих романах и повестях. Тяжелый деревенский библиотечный стол «герцогов» — за этим столом, по свидетельству Шенкина, зубило в детстве Тургенев и его брат французские поклоуны. Библиотечка: русских книг — 828, французских — 2.938, немецких — 462; литература, путешествия, история, философия, медицина, психология, педагогика, естествознание, медицина.

В последней комнате — вещи Тургенева, приписанные Владко из Парижа после смерти Ивана Сергеевича: шляпки и шапочки доктора прав Оксфордского университета, веши, портретная маска — худое, вывалившиеся щеки, острый нос, лицо, столь изобразило, но знакомый по портретам облик; ручка с пером; фотографии порабавляющей шестидесяти, немьского могильного холма.

Скажем сразу: в музее холодно, сыро. Посетитель ходит по залам в шаблах, в шапках, ношей в галстуках; нехватает средств на оборудование развлекать. Значит ли об этом московские организации, которым музеем отдать надеждит? Знают, но бездействуют.

*

В Орле был театр. Театр этот горел. С тех пор Орловский драматический театр в течение многих лет ютился в залах бывшего купеческого собрания. Подобные помещения расквартированы вынуж, в балах марганца. Склад декораций находится в подвале. Емкншюк пригодно типить декорации на подвалах, там торчат аляз волоком по единственной лестнице театра. Легко представить себе, как вытарахит декорации после двух-трех подобных путешествий. Нетрудно подсчитать расходы на безобразия из пылок, покрак.

Костюмерной отрезана каморка метров в десять. Здесь все костюмно имущество театра. Вешалки перевернуты.

Горы костюмов занимаются до потолка, лежат на сундуках.

Подготовить к содействию нужный костюм в подобной каморке пылеский труд: надо перебрать всю эту груду броек, мушкетеров, гимнастерок, жабо, сапог и розовых туфель Терпиховских. Очевидно, что подобные ежедневные работы не способствуют прочности и красоте костюмов. Значит, и тут накладки расходы.

Результатный зал крохотный. Однако рекорд тенноты побит счастлив. Здесь не повернуться. Если в подвале неземного вдохновения автор пьесы застанлет вынести на сцену пять-шесть добитыхмих лиц, то все творческие задаты режиссера сводятся к тому, чтобы терок как-нибудь не ошибли декораций, не поджали друг друга.

Как же преодолеть эту тенноту? Принимается ли меры, чтобы предотвратить Орловское театру — обязательному театру — подходящее здание?

Ничего не делается. Мы писали уже: был театр, да сгорел. Начали строить новый, законсервировали. Будет ли достроить? — неизвестно. Но всяким случаем в 1938 г. илькарки планов нет. Вот уже несколько лет хлещет Орловский театр, чтобы ему предоставили соседние помещения, где вынадрасноложена фотография; это дало бы возможность значительно расширить сцену. Однако битва с фотографией безрезультатна. Дело прошло добрый десяток инстанций, вверху, превратилось в пелую Иллиду пролобовов. Истопанельный заключений, но фотография непомедима.

Как же относиться ко всему этому делу? Управление по делам искусств? Никак не относится. Оно в роде как бы и не существует. Был здесь начальник, который прогласился тем, что все собирает закладать кругую печать управления, да так и не заклад. Теперь новый начальник. Печать закладла, вероятно, давно готова. Но дела театра пока не лучше.

*

Мы доведось просматреть в Орловском гостестаре два рядных спектакля: «Госпожа офицер» и «Дядя капитан». Это далеко не лучшие достижения Орловского театра. И все же — спектакли крепкие, доходящие Рудинская, добротная сценическая работа.

Нет в этой работе идеализма, сумятицы, провинциального гастролюста.

Человек, привыкший к старой манере провинциальной актерской игры, в ставке на некоего Рычадова, который-де все видит, с удивлением отметит здесь наличие позитивного актерского ансамбля: игра отродного актера полчищева обшему замыслу, обшему рисунку спектакля, заметна трудолюбивая и добросовестная работа над второстепенными и третьестепенными ролями.

И не могу сказать, что режиссура театра (главный режиссер — М. М. Дяшюк) удаляет баском и вдохновением своих замыслов. Но режиссерский рисунок спектакля всегда четок. Режиссер знает сцену, хорошо пользуется музыкой, светом, сценическим предметом, умело и ненавязчиво строит мизансцену.

В провинции имеется немало театров, которые до сих пор приглашают актеров «с собственным гардеробом». Такой актер возит с собой по всем и городам мезонеты, набитые испанскими платьями, русскими косоворотками, борзовыми шапками и гуарсеками метьками. Театр самостоятельно не шьет костюмов, а пользуется гардеробом актеров. Легко вообразить, какая костюмная каша получается на сцене.

Многие периферийные советские театральные коллективы — к ним принадлежат и Орловский театр — репетиционно срываются с подобной «гардеробной» системой. Они приглашают художников. Шьют костюмы по эскизам. Добавляется костюмного ансамбля, как добавлялся ансамбль актерского.

Труппа Орловского театра — в большинстве молодые актеры, воспитанники советских актерских школ. Как во всяком подобном труппе, здесь много различных способностей, разных степеней таланта. Отметки таких актрис, как Мартен, Янковская, Кученко-Вельянова, таких актеров, как Петров-Кирьялина, Сидерский, Ильинский, Болетин, Бескин.

Много в них попросту превосходных: Петров-Кирьялина, Янковская. Тов. Кирьялина — прекраснейший комический талант, ярко воспроизводящий очарывающий пародный вымор. Знание народа, народной шутки, народного слова принимают его игру. Тов. Янковская — чудесная актриса.

Мягкий лирический топ легко смениется бытовым гротеском (спек. Шуря «Год 19-й»); и вот перед нами мюскиевская кучка, переданная с предельной силой, — атакя охотничий уезд, зааранжированная по французский пеньюар. Как могла бы такая актриса играть Островского!

Работа других актеров и актрис менее самостоятельна. С трактовкой иных ролей хочется поспорить. Так, к примеру, слишком «благороден», слишком «рыцарь» в исполнении И. Шенкина офицер Романов («Госпожа офицер»), — этот слухливый, хлюпик, болтливый и пикающийся. Немного шумлива, смыхивает на городничиху актриса Мартен, исполняющая в той же пьесе роль Александры Петровна, этой решительной, настойчивой женщины, этой пламенной, волевой, безудержной натуры. Тяжеловат и внутренне бездарен актер Ильинский в роли Луккина («Год 19-й»). Саншюк репетиционер, как то молниенно слезливый акт. Славин-Ильинский в роли ярого Вайгузина («Госпожа офицер»). Кстати, в гриме его неудачен Вайгузин: легко дат лет 50. Трудно представить себе юллада в подобном возрасте.

И все же общее впечатление от спектаклей отдалное. Знанием театра, добротой и четкой слаженностью всех сценических средств, профессионализмом в самом хорошем смысле этого слова веет от каждого диалога, от каждой сцены.

Проездяте за репетиционной работой театра, и вы разгадаете секрет его успеха. Привыкнув к тому, что спектакли в провинциальных театрах делаются с двух-трех репетиций, вы будете приятно удивлены той системой работы, которую увидите. Репетиционная работа начинается за столом. Актрисы читают текст пьесы, обсуждают этот задуху каждой сцены, рисуют каждое движение. Только тогда, когда актер ошугит внутреннюю интонацию роли, нояря роль, почувствовал в себе ее силу, репетиция переносится на сцену. Но и здесь продолжается кропотливая, тщательная работа.

Отличается ли Орловский театр от многих других театров периферии? Нет. Это один из самых разных наших провинциальных театров. Средний театр. Тем показательней его радость и легкость.

Новые силы пришли на периферию: актриса поросла советской формации. Эти новые силы обильно жестокою войну театральному провинциальному отнарической халтуре, заматешному гастролюстичному. Всякую малакшисемую на попытке строить периферийный театр на полах мачалах, по законам подлинного искусства, по требованиям настоящего мастера.

Наше столичные театры не могут дождаться на неминуемые прессы. Каждая их постановка цитрално рассматривается рецензентами. Каждый актер на виду, но говорим уже о режиссерах.

Известны пять-шесть крупнейших провинциальных театров. А дальше начинается неизвестность. Что делают, как живут и работают тысячи районных театров нашей страны? Есть ли у них горести, каковы их задачи? Об этом не знают не только рецензенты, но и Комитет по делам искусств.

Перед нами Орловский театр. Молодой советский коллектив. Руководитель — тов. Аленко — бывший ссылар, комсомолец. Коллектив работает не покладая рук, старается делать свои постановки лучше, искренней, ягнать халтуру, уничтожить сценическую фальшь.

И вот этот коллектив тратит силы и время на безуспешную борьбу по выислению фотографий, вытис на скнерной сетке, бьет декорации, лопач их на постинге из подвала на третий этаж. Почему? Потому, что местным властям неодоуо заявлять вопрошания театра. Никто из городского начальства даже не побывал в театре, не поговорила с актерами. Местная орловская газета тоже не интересуется театром: две-три рецензии, и с плеч долой.

Что же должен подумать о театре? Горюев? Он этим не занимается. Комитет по делам искусств? Комитету — во всяком случае его преданную поддержку — было не до Орла. Воль что такое Орел? Бывший районный центр. Глубокая периферия.

Гор. ОРЕЛ.